

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА
АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА
АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА
АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ**

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

**ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА
ОТРЯД СМЕРТНИКОВ**

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

**СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД
УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ
ВЕЗУНЧИК ЛЕОНАРД. ЧЕРНЫЙ КОРСАР**

ТЕОРЕТИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

ТЕОРЕТИК

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1148

Художник
И. Воронин

Корн В.
К67 Теоретик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 279 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2827-4

Что это? Параллельная реальность? Бред больного воображения? Место, где непостижимым образом вдруг оказался Игорь Черниговский, внезапно приобретший кличку Теоретик по самому пустячному поводу. Обычный парень, который не служил, не доучился. И в багаже у него лишь недолгие занятия в стрелковой секции, когда еще учился в теперь уже далекой и в прямом и в переносном смысле школе.

А этот первобытный мир суров, в нем царит право сильного, и опасности здесь поджидают на каждом шагу. И с шансом вернуться обратно на Землю все непонятно: то ли он есть, то ли всё выдумки, ведь люди охотнее всего верят именно в то, во что им больше всего хочется верить. Но, как бы там ни было, для начала Игорю предстоит выжить. Не стать жертвой многочисленных бандитов и хищников, которых здесь не счесть. А там... а там уже будет видно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2827-4

ПРОЛОГ

— Так ты жить хочешь?

— Хочу.

— Тогда подписывай.

— Не буду.

— Почему?

— Желания нет.

— О господи! — Мой собеседник Титов, полный, одутловатый тип с седым ежиком на голове и в покрытой камуфляжными пятнами куртке, тяжело и скорбно вздохнул. — Да пойми ты наконец, все его подписывают, иначе здесь не выжить. Или ты думаешь, угодил сюда, осмотрелся денек-другой и сразу весь мир нагнул?

— Если он нагибаться начнет, так почему бы и нет?

— Знаешь, сколько таких, как ты, через меня прошло?

— Сколько?

— Много! И где они теперь?

— Где?

— Нету их уже! Ни одного!

— Что, совсем ни одного? Значит, буду первым.

Мне бесконечно надоел этот разговор, который длился без малого час, но ничего подписывать по-прежнему я не собирался.

— Вот смотри. Как только подпишешь этот договор, — ткнул он пальцем в лист бумаги на столе перед собой, — шансов выжить у тебя станет куда больше! По-

лучишь снаряжение, оружие, пусть и не бог весть какое — хорошее еще заслужить нужно. Или заработать. Место, где у тебя будет хоть какая-то уверенность, что утром проснешься живым. А еще, так сказать, встанешь на довольствие.

— А если нет?

— А если нет, то я тебе не завидую. Думаешь, оказался в этом мире новый человек и все вокруг него хороводы начинают водить: только бы с ним ничего не случилось, только бы с ним ничего не случилось! Да всем плевать и на него, и друг на друга! Выжить, вот что здесь самое главное!

С выживанием здесь действительно обстояло весьма неважно. За тот день, что тут пробыл, успел обратить на это внимание. Но мы уж как-нибудь.

И все же, вероятно, на моем лице что-то отразилось, поскольку этот человек заговорил куда более уверенно:

— Подписывай.

— Не буду.

— Опять ты за свое! Говоришь, не служил?

— Нет.

— А почему? Здоровье, убеждения, что-то еще?

— Армия — не мусорный ящик, — ответил я дежурной фразой для подобных случаев.

— Но хоть стрелять-то тебе приходилось?

— По уточкам пару раз.

— Ну вот. — Мой собеседник удовлетворенно кивнул. — И как мне тебя, например, к тому же Филу определить? Да он и сам не возьмет: у него люди сплошь спецы! От таких, кому человека зубочисткой убить, как раз плюнуть, до тех, кому даже зубочистка не понадобится — мизинца на левой руке хватит, образно говоря. И рабочей специальности у тебя нет. Не кладовщиком каким-нибудь, а плотником, столяром, слесарем, электриком, наконец. Или вот еще: ты в электронике хорошо разбираешься? Такие здесь нарасхват!

— Нет, совсем не разбираюсь.

— То-то же! Но жить-то ведь хочется?

— Не без того.

— Вот и я о том же. Так что прямая тебе дорога на шахты. Риск сдохнуть в них намного меньше, чем за периметром, правда, и заработаешь не так много. Хотя как повезет. Со временем заматереешь, опыта наберешься, тогда и поговорим. Домой вернуться желаешь?

— Желаю, — искренне ответил я, втайне надеясь, что сейчас Титов предложит мне вариант вернуться туда как можно быстрее. И тогда соглашусь практически на любое его предложение.

Но вместо этого он лишь печально вздохнул.

— Все желают. По своей воле сюда никто еще не попал. В общем, черкай. Здесь, здесь и на обратной стороне в самом низу.

— Тебе что, за каждого подписавшего отдельно платят?

— С чего ты взял?

— Слишком настойчив. Я же сказал: ничего подписывать не стану.

— Не платят. Если честно, ты у меня второй, кто так яростно подписывать не хочет. — Ну вот, а сам говорил, что таких много. — Тут больше самолюбие: как же так, убедить не могу! Да и молод ты еще, жалко мне тебя. Двадцать-то есть?

— Двадцать три.

— Согласись, не самый срок умирать. В общем, ставь подпись.

И он в очередной раз пододвинул ко мне сероватый лист, на котором в самом верху было напечатано: «Деловое соглашение». Что не могло не вызвать улыбку уже одним своим названием. А если учесть, что пятнадцать пунктов соглашения начинались со слова «обязан», моя реакция была вполне обоснованна. Особенно в связи с тем, что любые другие пункты отсутствовали полностью.

На этот раз я отодвинул бумажку от себя без всяких слов. И невольно усмехнулся, подумав, что нижняя ее часть успела уже стать потертой от бесконечных передвижений по столешнице.

— Ну как знаешь, — наконец сдался вербовщик. — Не желаешь — не надо. Только вот что... слово мне дай!

— Какое еще слово?

— Когда подышать будешь, не вздумай меня проклинать, что уговорить тебя не смог. Чтобы мне не икалось.

И неожиданно икнул.

— Это не он ли? — не удержался я.

Титов посмотрел на меня недоуменно:

— Ты о чем?

— Сам же говорил, что я второй, который не стал подписывать. И вот лежит он сейчас, умирает и клянет тебя всяческими словами, что ты его не уговорил. Оттого тебе и икается.

— Он давно уже коньки откинул, так что вряд ли.

Глава первая

— Давай-давай! — потребовал я. — Все, что положено вновь прибывшему. И по списку.

Сам я этот самый список в глаза не видел. Но мой единственный знакомый в этом мире Леха Суслов по кличке Воробей уверял, что таковой существует. И именно по нему положено выдать вновь прибывшему сюда кое-какие необходимые вещи. И оружие.

— Что положено, на то наложено, — хмуро пробормотал Титов и на некоторое время исчез за дверью, ведущей в соседнюю комнату. Чем-то там погромел, пошуршал, вероятно, обо что-то ударился, поскольку от души выругался. Но когда вновь предстал передо мной, в руках он держал охапку одежды, на которой сверху лежали новехонькие берцы. Они, кстати, были единственной ненюшенной вещью. — Положено ему! Держи вот!

И все это богатство оказалось на столе перед самым моим носом.

— Как размер угадал? — поинтересовался я, обнаружив на подошве обуви цифру «сорок четыре».

— Ничего я не угадывал, просто других размеров нет. Вернее, есть, но все меньше сорокового, а они тебе точно не налезут.

Вообще-то меня вполне бы устроил и сорок третий, но много — не мало. Поменяем родную стельку на другую, из кожи потолще, и под портяночку — самое оно. Отцу в молодости пришлось побегать по горам Афгани-

стана, так вот он рассказывал, что, когда не было ни малейшей возможности снять обувь в течение нескольких суток подряд, только портянка и спасала. А те, кто предпочитал носки, надолго оказывались в медсанчасти.

А еще лучше стелька из войлока. Войлок — материал уникальный. Он и гигроскопичный, и тепло держит, и, когда жарко, не дает ноге сопреть, и стоять на нем стопе комфортно. Пусть Леха Воробей и уверял, что холодов в этих краях нет, лишним не будет. Мало ли каким боком жизнь повернется?

— У тебя старого валенка не завалилось? Или просто войлока кусок?

— А он-то тебе к чему?

— Берцы модифицировать буду.

— Не завалилось, — разочаровал меня Титов. И поинтересовался в свою очередь: — У тебя телефон какой?

— Надежный. Зарядку неделю держит. А если привязать к нему веревку — от стаи волков отбиться можно. Только к чему спрашиваешь? Все равно здесь связи нет.

— Чего нет — того нет, все верно. Хотя и обещают в недалеком будущем. Но и сейчас местные умельцы из телефонов такие вещи творят! Электроника здесь дорого стоит. Ну а я тебя бы еще чем-нибудь отблагодарил. Помимо этого. — Он указал подбородком на принесенное им барахло.

Чтобы тут же покривиться: продемонстрированный мною телефон действительно никаких других эмоций вызвать не мог. Старая модель, давным-давно снятая с производства, и единственное ее достоинство — неплохой плеер.

— Может, еще что-нибудь ценное имеется?

— Нож. Складной. Но я тебе его не отдам — подарок хорошего человека.

— Нож мне без надобности, каким бы он ни был. У нас здесь толку от ножа мало, им только в зубах ковыряться. Мерить будешь?

— Позже.

Камуфляжные брюки и куртка жать точно не будут. Не новые и не совсем чистые. Их вначале постирать нужно. Впрочем, как и армейский разгрузочный жилет, который выглядел так, будто перед тем, как попасть на стол, некоторое время соседствовал с моим телефоном на помойке. Потертый, местами штопаный, а местами ткань жирно лоснилась. Но хоть что-то.

— Что, ничего другого не нашлось?

— Договор подпишешь, найдется и другое, — пожал плечами Титов. — Но не у меня — уже на месте. Не надумал?

— Нет. Теперь оружие.

— Вот с оружием куда проще: тут все на выбор! Какую конкретную модель какой именно страны предпочитаешь? Отечественные разработки, Штаты, Германия, Бельгия? Италия, Швейцария или что-нибудь родом из Туманного Альбиона? Калибр, обвесы? А может, лазерное ружье или плазменный резак? У меня даже парочка рейлганов завалилось, бери хоть оба.

Титов явно издевался.

— Давай что есть.

— А есть у меня двустволка, обрез трехлинейки, ржавый ПМ, погнутый ТТ и ровесник царя Гороха наган, с царским орлом на раме. И еще один наган, тот лет на тридцать младше, но с укороченным стволом. Да, про мушкет забыл. Правда, без фитиля. Но ты к нему зажигалку изолентой примотаешь, и все будет ладушки. — Он посерьезнел. — В этом смысле и рад бы тебе помочь — без оружия тут не выжить, но выбор действительно невелик. Пойдем, сам посмотришь.

И мы с ним прошли еще в одну комнату, которую смело можно было бы назвать оружейной, если бы не действительно скромный выбор.

— Да уж! — только и сказал я. — И это все?!

— И это все, — кивнул Титов.

Пусть ПМ не был ржавым, а ТТ погнутым, но в основном он не солгал. Единственной стоящей вещью являлся висевший на стене АК сотой серии. Экспортный вариант, поскольку под натовскую винтовочную семерку. Я такой лишь в сети и видел. Сам автомат выглядел абсолютно новым, к тому же оборудован коллиматором отечественного производства «Компакт». Вообще-то этот коллиматор предназначен для охотничьего оружия, но с таким мощным патроном, как у этого варианта АК, другой может и не выдержать. Или Титов поставил то, что у него имелось в наличии.

— Личное, — сказал Титов, заметив, как я встрепенулся. — Даже пристрелять не успел. — И поторопил: — Выбирай, обед уже на носу. И без того столько времени на тебя извел без толку.

В ответ я лишь грустно вздохнул: из чего тут выбирать?! Взял в руки ПМ, чтобы сразу же положить его обратно на полку — даже беглого взгляда хватило понять, что пистолет изрядно изношен. Впрочем, как и ТТ. С тем дело обстояло еще хуже: защелка магазина оказалась настолько слаба, что лишишься его и не заметишь. Разумеется, произойдет это в самый неподходящий момент. Оставались еще обрез трехлинейной винтовки Мосина да охотничье ружье — вертикалка ТОЗ-34 двенадцатого калибра. И парочка наганов, один из которых действительно оказался с укороченным стволом. Как сказали бы сейчас, оперативный вариант, поскольку создавался он для скрытого ношения. У него даже мушка скруглена, чтобы не цеплялась, когда извлекаешь его из кармана. В отличие от своего родственника наган выглядел таким же новым, как и автомат Титова. Ни тебе щербинки на воронении, ни царапинки.

Он был в прекрасном состоянии. Никакого люфта барабана, что говорило — обтюрация у револьвера должна быть на уровне. Курок со спусковым крючком тоже не шатались. Но толку от него? Всего семь патронов, и пе-

резарядка потребует уйму времени. Все, что я успел узнать об этом мире, могло повергнуть в жесточайшую депрессию. Или не повергнуть, если в руках у тебя подходящий инструмент. Точный, многозарядный и удобный в обращении. Например, такой как у Титова.

Глядя на мою расстроенную физиономию, тот лишь развел руками: мол, чем богаты! И поинтересовался:

— Правду говоришь, что только по уточкам стрелял? Видно, что обращаться с оружием умеешь.

— Точно. И еще по тарелочкам.

— А навыки откуда?

— Папа военным был. В стрелковой секции занимался. И вообще оружие люблю.

— Тогда понятно. И все равно больше ничем помочь не могу. Вот, ружье возьми. — Титов приложил двустволку к плечу, направив ее куда-то в окно. — Сам говоришь, что по тарелочкам. А по ним примерно из таких и палят.

Все это так, только тарелочки напасть на тебя не смогут. И попыток перегрызть горло или откусить ногу не сделают. А здесь, говорят, еще и бандитов полно, которые из-за любой приглянувшейся мелочи могут пристрелить... Я в очередной раз с тоской посмотрел на висевший на стене автомат.

— Нет. — Титов был категоричен. — Без вариантов. И вообще, бери уже что-нибудь и отваливай.

— Наган. И ружье.

— Сейчас! Что-нибудь одно. Припрется сюда такой же, как ты, упрямый, и что я ему выдам?

— Тогда наган. И патронов побольше.

С ружьем, безусловно, привычней, но что я с ним в поселке делать-то буду? И еще постоянно следи за тем, чтобы кто-нибудь ноги ему не приделал. С револьвером все-таки проще: сунул его в карман, и все.

— Вот чего много, так это револьверных патронов. Можешь хоть полсотни штук взять.

Полсотни — разве это много? Но хоть что-то.

Когда я, снарядив каморы револьвера, принялся зашнуровывать берцы прямо на голую ногу, Титов топтался рядом со мной. Он даже приплясывал от нетерпения. И все же спросил:

— Что, остальное не наденешь?

Все верно: армейские берцы в сочетании с цветастыми шортами и растянутой желтой футболкой с уточками из мультфильма смотрелись крайне нелепо.

— Не сейчас.

Все полученное мной вначале не мешало бы постирать. Основательно так, с замачиванием, а затем еще щеткой пройтись. «Ну ничего, — утешал себя я. — Типа как индийский солдат. Или какой-нибудь зулусский — у них примерно так и ходят. Остается лишь пробковый шлем надеть. Только где же его взять?»

Полученное мной кепи, тоже камуфляжной расцветки, в стирке нуждалось не меньше.

— Что так долго? Ждать тебя устал. — Леха Воробей, который и привел меня сюда, смотрел осуждающе.

— Так мы же вроде не договаривались, что подождешь.

— Ну да, бросишь тебя! Ты тут и пары минут один не протянешь. — Он посмотрел на мой внешний вид и лишь хмыкнул. После чего поинтересовался: — С кем контракт подписал? По-любому на шахты отправишься.

— Ни с кем.

— Да ну! Врешь ведь?!

— Нет.

— Круто!

Мы шли главной улицей Фартового, который весьма напоминал поселок старателей где-нибудь в Южной Америке. Или в Африке. Или бразильские фавелы. Не слишком-то они и различаются. Сколоченные из чего попало лачуги, единственной целью которых было огра-

дить помещение для сна и спасти от осадков, которые здесь всегда были в виде дождя, поскольку климат мягкий и зима — понятие условное. Правда, попадались и вполне добротные дома, сложенные из бревен, некоторые даже двухэтажные.

Из попадавшихся нам людей одни смотрелись открытыми маргиналами с выдавшим виды оружием — некоторым образцам самое место в исторических музеях, — другие, напротив, поражали своей качественной экипировкой. Но и те и другие особого внимания на мой нелепый вид не обращали. Так, скользнут равнодушным взглядом и идут себе дальше.

— И в чем тут заключается моя крутость? — спросил я Воробья.

— Сколько помню, только один человек ничего подписывать не стал. Один!

— И что с ним стало?

— Что с ним стало, говоришь? Ты лучше спроси, кем он сам стал.

— Ну и кем?

— Жмуриком, кем же еще? Хотя кто виноват? Освоился он немного, более или менее приличную снарягу раздобыл и куда-то направился. В полдне ходьбы отсюда его и нашли. Куда поперся, зачем — теперь уже и узнать не у кого. Стреляй! — вдруг истерично выкрикнул Леха, срывая с плеча потертый АКМС и раздражаясь длинной очередью.

Парочка каких-то местных летучих созданий внезапно возникла из кроны высокого дерева, чем-то напоминавшего пальму, и теперь стремительно пикировала прямо на нас. Волшебным образом оказавшийся в моей руке револьвер дернулся дважды, а затем и еще раз. Палец не смог удержаться на спусковом крючке, когда мне удалось толком разглядеть бьющуюся у самых ног в предсмертной агонии пернатую тварь, настолько та выглядела устрашающе.

— Лихо ты их. — Леха смахнул рукавом со лба выступивший, вероятно от испуга, пот. — Два выстрела — и две простреленных башки! Силен! Как попасть-то сумел?

— По лучу.

— По какому еще лучу? — Он посмотрел на наган, который я все еще сжимал в руке.

Наверное, ожидал увидеть на нем лазерный целеуказатель. Откуда бы ему там взяться?

— Воображаемому.

— А-а-а, — протянул он, как будто смог понять, о чем именно идет речь. — Хотя третий раз мог бы и не стрелять, она уже дохлой дрыгалась.

— Не сдержался. Такое впечатление, что она в следующий миг в ногу мне вцепится.

— И вцепилась бы, будь еще живой. Видишь, какая у нее пасть! Крокодил позавидует. Или та же акула.

Воробей был прав. Если сами они особого удивления не вызывали — птица и птица: перья, крылья, хвост, — то головы им как будто бы достались от другого существа. Лысые, с огромными глазами. Но больше всего меня поразил клюв. Длинный, с множеством зубов, которые выглядели острыми как бритва.

— Не замай! — грозно прикрикнул Леха на одного из тех кто с оружием в руках прибежал на звуки выстрелов. — Не твое.

— Да я и не думал, — ответил тот, но Лехе было уже не до него.

Он по очереди, не боясь испачкаться в крови, старательно ощупывал птицам брюхо. Так ощупывают кур-несушек, пытаясь обнаружить внутри яйцо.

— Есть! — непонятно чему обрадовался Леха. — И, судя по всему, немаленькая.

— Что есть? Кто немаленькая? — поллюбопытствовал я, глядя не столько на него, сколько на дерево: вдруг там еще эти уродцы притаились?

— Железа. — Стоя на коленях, Леха резким движением ножа вскрыл одной из них живот.

Покопался немного внутри и извлек на свет нечто напоминающее желчный пузырь. Такого же янтарного цвета, но куда большего размера.

— Повезло! — с чувством сказал он. Подкинул нечто на ладони и добавил: — Видал я, конечно, и покрупнее, но все равно повезло. Они у одного птера из полсотни попадают, а то и реже.

— У кого?

— У птера. Сам же видишь, эти твари чем-то птеродактилей напоминают, отсюда и название. Вообще-то они стараются от людей как можно дальше держаться, но иногда на них находит. Хорошо хоть не на всех сразу. Так, Игорь, мы же типа напарники? — внезапно спросил он.

— Напарники, — не стал разочаровывать я Леху, не понимая, к чему он клонит.

— Значит, бабки пополам?

— Пополам. — Согласие далось мне легко. В конце концов, не будь Лехи, опомнился бы я в тот момент, когда этот птер в меня бы уже вгрызся.

— Ну и отлично! — обрадовался Леха. — Покупатель у меня есть, — заверил он, — и за эту железу нормальную цену даст. Сам ты и трети не выручишь.

— А что в ней такого ценного?

— Она — основной ингредиент мази, которую шахтеры с руками отрывают. Сыро у них там, — Леха указал пальцем в землю, — и потому радикулит — обычное дело. А эта мазь исключительно помогает. Теперь понятно?

— Понятно. — Я мысленно похвалил себя, что все же смог отказаться от предложения Титова, как тот ни настаивал.

Болезнь радикулитом в мои планы не входило. Равно и покидать в одиночку, как выяснилось, не совсем безопасный периметр поселения. Причем с любым снаряже-

нием, даже самым лучшим. По крайней мере, в ближайшее время.

— Сейчас завернем к этому человечку, скинем железу, ну а затем уже и пообедаем. С такой удачи мы и позволить себе сможем. — Леха звонко щелкнул пальцем по горлу. — Как ты, не против на грудь принять?

— Не против.

Есть хотелось до спазмов в животе. Откуда-то доносился запах жареного мяса, заставляющий меня раз за разом сглатывать слюну. Ну и немного выпить не помешает. Лучшего средства от стресса еще не придумали. А он у меня уже второй день подряд. С той самой секунды, как очутился здесь.

Обратив внимание на мой едва ли не тоскливый взгляд, брошенный в сторону ближайшей забегаловки, где под открытым небом сидели за длинными столами и что-то ели люди, Леха сказал:

— Потерпи немного, как только железу пристроим, так сразу и поедим. — И буквально через несколько десятков шагов, которые мы прошли молча, добавил: — Ну вот и все, прибыли. Подожди пару минут, я быстро.

И действительно, Леха не заставил себя долго ждать.

— Нормальную цену дали, — первым делом сообщил он. — Правда, за денежками просили чуть позже зайти. Но ты даже не сомневайся, все будет по-честному! Просто Семеныч не любит, когда к нему незнакомцев водят.

Не слишком-то он меня и убедил. Натура у меня такая: не верить никогда и никому. Но я промолчал.

— А пообедаем у одной моей знакомой, Марии. Готовит она вкусно и берет недорого. Женщина — мм!.. — простонал он, заодно поцеловав сложенные щепотью кончики пальцев. — Сказка, а не женщина! От женихов у нее отбоя нет, но блюдет себя, блюдет. Правда, непонятно, зачем и для кого.

— Кстати, что-то женщин у вас тут совсем немного, — поделился я своими наблюдениями. — Только нескольких и повстречали. Да и то все какие-то серенькие.

— Ты вечером по улице пройдишь! Такие красавицы попадаются! А если в это время в кафешантан заглянуть!.. Днем действительно редко кого встретишь.

— А что такое кафешантан?

— Самое респектабельное заведение в Фартовом.

Слово «респектабельное» Леха произнес с запинкой, но все же выговорил с первого раза.

— Леха, а постирать где тут можно? — тряхнул я большим белым пакетом с многочисленными логотипами сетевого супермаркета.

— Вот Марию и попросим. Не за бесплатно конечно же. Думаю, она согласится: ей лишние деньги не помешают.

— Гляди, Машенька, я тебе нового клиента привел! — заявил Леха, едва мы вошли в лачугу, выглядевшую такой же временной постройкой, как и множество других.

После чего попытался поцеловать ее в щеку.

— Как будто бы я и раньше на их недостаток не жаловалась, — отмахнулась от него она, но взглянула на меня вполне доброжелательно.

Мария действительно выглядела замечательно. Этакая кустодиевская женщина — лет тридцати пяти, с пышной, но ладной фигурой и с приятным, даже красивым лицом, которое совсем не портил длинный тонкий шрам на правой щеке, уходивший куда-то за ухо в пшеничного цвета волосы, собранные на макушке в пучок.

— Что нас ждет на обед? — уже из-за стола, накрытого яркой цветастой клеенкой, куда по-хозяйски успел усесться, поинтересовался Леха.

— Борщ, — ответила Мария. — И еще жаркое из кабанятины. Мясо свеженькое, утром на рынке взяла. Будете? — обратилась она ко мне.

— Конечно, буду! — с энтузиазмом ответил я, взглядом ища, где бы помыть руки.

Мария его истолковала правильно.

— Вон в ту дверь пройдите, во внутренний дворик. Рукомойник там.

Он действительно там имелся. Самый обычный, из дюралюминия. «Крылатого металла», как его еще называют, поскольку с появлением дюралюминия началась новая эпоха в самолетостроении.

Дворик оказался крохотным и практически полностью был закрыт от палящих лучей местного светила тентом, представляющим собой огромный баннер, рекламирующий фирму — продавца фаянсовой сантехники.

«Странное дело, — моя руки, размышлял я. — Создается такое впечатление, что, когда здесь объявились люди, этот мир уже представлял собой огромную помойку. Ну не с собой же они все это сюда принесли? Хотя что удивительного: люди здесь подобрались отнюдь не цвет общества, насколько мне удалось понять. Впрочем, и я от них ничем не отличаюсь».

Борщ оказался восхитительным. И дело даже не в том, что за последние двое суток мне удалось лишь перекусить банкой говяжьей тушенки, вымененной на местном блошином рынке на часы. Вещь, как мне тогда казалось, в этом мире абсолютно бесполезную, поскольку период обращения планеты вокруг светила занимал куда больше времени, чем у Земли. Примерно на треть.

Леха не солгал: готовить Мария умела. Борщ был наваристым, мяса хватало, и даже то, что капусту в нем заменило какое-то местное растение, а свекла отсутствовала вовсе, на его вкус нисколько не повлияло. Картошка была пусть и с легким непонятым привкусом, но нисколько не противным, и даже в чем-то пикантным.

Глядя на Марию, без труда можно было понять: ей не терпится о чем-то спросить, но она ждет, пока я поем. Какой он будет, вопрос, тоже не представляло труда догадаться: как там, на Земле? Это интересовало всех без исключения, как только они признавали во мне новичка. Что изменилось? Какие новости? Что вообще говорят и пишут?

А что там может быть нового, на Земле? Там все как и всегда. Часть людей упрямо продолжают верить в чудо. Только чудеса у всех разные. Кому-то верится, что однажды придет такой правитель, который решит все его проблемы. Решит в одночасье, всего-то издав десяток-другой нужных законов. Кто-то надеется обмануть судьбу и все пытается вытащить счастливый лотерейный билетик, что бы тот собой ни представлял. Кое-кто мечтает прогнуть мир под себя.

Есть и другие, которые отчетливо понимают, что, как поется в одной известной песенке, мир действительно прогнется под каждым. Но прогнется только однажды и всего-то на двухметровую глубину. И потому они принимают мир таким, каков он есть, и лишь старательно пытаются в него вписаться. Такие люди и становятся самыми успешными. Правда, все имеет свою цену, и в связи с этим им приходится поступаться своими убеждениями, идеалами, а зачастую и совестью.

Еще есть люди, которые и в чудеса не верят, и нагибать мир даже не пытаются, и поступаться убеждениями категорически не желают. Смею надеяться, именно к последним я и отношусь. Вот так и живем. И еще долго так будем жить. А может, и всегда.

— Спасибо, Мария! — поднимаясь из-за стола, с чувством произнес я. — Действительно очень вкусно!

Третья тарелка борща явно была лишней, и из-за нее мне пришлось отказаться от жаркого, но он того стоил. Теперь в голове крутилась единственная мысль: где бы прилечь?

— Может, поспите в теньке? — видя мое состояние, предложила хозяйка. — Там, во дворике, топчан есть. На него и ложитесь.

— Прилягу, — только и смог кивнуть я, тщетно пытаюсь одолеть зевоту.

— Ну и горазд же ты спать! — орал мне в самое ухо Ле-ха. — Вечер уже!

Я поморщился. Ну что за манера все время разговаривать криком?

— Вставай, тебя серьезные люди желают увидеть. Давай быстрее, пока не передумали.

— Так уж и серьезные?

— Сам Грек!

— А это еще кто? — поинтересовался я, одновременно засовывая ноги в берцы. — Местный руль?

— Нет, рулит здесь другой, Шаховской Сергей Вениаминович, все его Шахом называют. Но Грек тоже далеко не пустое место. Так что тебе стоит поторопиться. И вот еще что, Игорь, может, все-таки штаны и куртку наденешь?

После моей удачной стрельбы по птерам Леха начал относиться ко мне с куда большим уважением. Вернее, не так. Если раньше в его поведении то и дело проскальзывала снисходительность, то теперь все было иначе.

— И так сойдет.

— Ну как знаешь. Хотя Мария и выстирать твои вещи успела, и даже высушить. Она та еще хозяйка, несмотря на то что красавица. Редкое сочетание у женщин — у одной на миллион!

Леха старательно делал вид, что не замечает саму Марию, которая стояла в нескольких шагах от него, выглядывая из дверей лачуги.

— Можете надевать, — подтвердила Мария, взглянув на Леху с легкой усмешкой. — А если не слишком торопитесь, давайте я вас еще и ужином накормлю.

Марии явно хотелось поболтать со свежим человеком, но Леха был неумолим.

— Торопимся, — сказал он, несомненно раздосадованный тем, что его изысканный комплимент не достиг цели. — Грек ждать не любит.

— Так что там с железой? Деньги за нее отдали?

Следовало бы оплатить хлопоты хозяйки. А заодно и обед. Или наоборот.

— Отдали! Попробовали бы не отдать! — Леха напустил на себя грозный вид, явно рисуясь перед женщиной.

В этот момент он действительно походил на взъерошенного воробья, но не на человека, тянуть с отдачей долгов которому чревато серьезными последствиями. Я мысленно усмехнулся, а Мария своей улыбкой скрывать не стала.

Меня шорты на штаны, мне пришлось указать ему глазами на отвернувшуюся хозяйку: отдавай мою долю, пора расплачиваться. В ответ он сделал успокаивающий жест: не волнуйся, мол, все в ажуре.

— Ну вот, совсем другое дело! — заявил Леха, оценивающе разглядывая меня со всех сторон. — Точно в армии не служил?

— Точно.

— А сидит как надо!

— Фигура стандартная.

— Разгрузку в двух местах подштопать бы не помешало, — сказала Мария. — Немного не успела.

— Я потом сам заштопаю. И спасибо вам за все!

— Приходите еще, — донеслось уже мне в спину. — Нормальному человеку здесь всегда рады.

На этот раз ухмыльнулся сам Леха: где их тут найдешь, нормальных людей, в этом мире?

— Вот, держи, твоя доля. — Он сыпанул мне в ладонь горстку металлических шестиугольников величиной с ноготь большого пальца. — Получилось по шестнадцать

пикселей. Но тут одиннадцать. Считай сам: по три пикселя с каждого за обед и два за стирку с тебя лично.

— Чего?!

— И вовсе даже не дорого! — возмутился Леха. По моему, он даже немного обиделся. — Ты что думаешь, здесь дешевле похарчиться найдешь? Сейчас! Да еще чтобы так вкусно. Вкусно ведь?

— Вкусно. Только я не об этом.

— А о чем тогда?

— Как ты их назвал?

— Пиксели. Деньги здешние. Их все так называют.

Я скептически взглянул на свою ладонь. Если бы пиксели действительно были такого размера!.. Хотя, возможно, местный жаргон. Как называют на Земле деньги бабками, например. Интересно только почему. Из-за их формы? Этакие шестиугольники. Но, по-моему, пиксели и круглыми тоже бывают. Хотя бог бы с этим, сейчас куда важнее другое.

— Леха, Грек — это кто?

— Я же тебе сказал — один серьезный человек. Говорят, он из спецурсы, затем в ЧВК какую-то немаленькую должность занимал. А здесь у него своя команда.

— И чем она занимается, его команда?

Мы как раз проходили мимо кафешантана. По утверждению Лехи, самого фешенебельного местного заведения. Да уж! Если это фешенебельное, так что же говорить о других? Одноэтажное бревенчатое строение не без претензии на что-то восточное. Пагоду, например. Разве что окна большие и полностью застеклены.

— Да всем тем она и занимается, за что пиксели платят. Сегодня одним, завтра другим.

— И чем занималась последним?

— Каких-то людей то ли спасали, то ли, наоборот, к нулю приводили.

Совсем одинаково!

— Наемники, что ли?

— Не наемники, а авантюрьеры! От слова «авантюра». Так они все себя называют. Разницу чувствуешь?

Не совсем. Вернее, совсем ее не чувствую. Еще в Средние века наемники предпочитали именовать себя именно так. Только что это меняет?

— А для чего я ему понадобился? Кстати, как вообще разговор обо мне зашел?

— Случайно повстречал его, когда с деньгами к Марии возвращался. Я ему и говорю: «Привет, Грек. Тебе люди не нужны?» А он мне такой отвечает: «Если не что попало, не помешали бы. А что, есть у тебя на примете?» — «Есть один, говорю. Новичок здесь, но парень хваткий! Представляешь, из нагана двумя выстрелами двух птеров на лету! Я даже глазом моргнуть не успел!»

Лгун ты, Леха Воробей! Как это не успел моргнуть, когда практически полностью магазин в них высадил? Другое дело, что ни разу попасть не смог.

— Грек у меня и спрашивает: «Новенький, говоришь?» — «Ну да». — «А у Титова он был?» — «Был». — «И с кем этот новенький заключил контракт?» — «В том-то и дело, что ни с кем. Представляешь, ничего подписывать не стал! Так что возьми его к себе, не пожалеешь». Тогда-то он и сказал: «Приведи, посмотрю». Так что ты мне еще и магарыч должен. Конечно, в том случае, если он тебя возьмет.

А переполох-то поднял!.. Но, по крайней мере, встретиться стоит. А там уже будет видно.

— Сам-то что к нему не пойдешь?

— Да все как-то не получается, — замялся Леха.

И я вспомнил его судорожную стрельбу, когда на нас напали птеры. После такого и сам бы Леху не взял, себе дороже.

— Звать-то его как?

— Да черт его знает. Все Греком зовут.

Глава вторая

Грека прозвали Греком явно не из-за черт лица. Оно было самым типичным славянским. Светлые волосы, светлые глаза и совсем не греческий нос. Лет тридцати пяти, роста выше среднего, плечист, и взгляд какой-то особенный. В общем, выглядел он так, что в ситуации, когда вокруг опасность, захочется держаться к нему как можно ближе. Такие типы, наверное, и становятся лидерами там, где подвешенность языка абсолютно ничего не значит.

— Присаживайся, — указал он движением подбородка на лавку.

А другой мебели здесь и не было. Помимо табурета, на котором сидел он сам.

Дом, который занимал Грек со своими людьми, на лачугу не походил нисколько. Из бревен в обхват и с окнами, которые так и хотелось назвать бойницами. Или амбразурами. По крайней мере, человек в них пролезет с трудом. Да и то далеко не самый крупный.

— Леха Воробей мне все уши прожужжал, что ты стреляешь неплохо.

— Самому бы знать.

— Не понял?

А чего тут непонятного? Будь ты хоть трехкратным чемпионом мира по практической или любой другой стрельбе, куда денется все твое мастерство, когда в ответ начнут стрелять в тебя? Все эти мишени, тарелочки и прочие бегущие кабаны — это одно. И совсем другое, когда на их месте окажется человек, который изо всех сил стремится тебя убить,

— В перестрелке ни разу не был, — честно признался я. — Потому и не знаю. А так да, на кандидата в мастера выбивал. По тарелочкам.

— Стеновая стрельба?

— Она самая. Начинал, правда, с пневматики. Затем четырнадцать исполнилось, тогда и перешел. Но давно все это было, еще в школе.

— Служил?

— Не довелось. — Отделываться дежурной шуткой про мусорный ящик не хотелось, Грек не тот человек.

— А почему? Со здоровьем проблемы?

— Со здоровьем все нормально. Так получилось.

— Зовут-то тебя как?

— Черниговский Игорь Святославович.

— О как! Светлый князь, что ли? — Грек усмехнулся. И, не дожидаясь ответа, спросил, устремив взгляд куда-то мне за спину: — Ну так что, парни, как вы думаете, подходит он нам?

Невольно я оглянулся и обнаружил трех человек, которые вошли бесшумно и теперь внимательно слушали наш разговор.

— С виду здоровенный лось, сразу два рюкзака упрет. Как бычок — самое оно! — сказал тот из них, который единственный сидел на корточках, был наголо обрит и имел татуировки на тыльных сторонах обеих ладоней. Татуировки грубые, такие в салонах не делают.

Глядя ему в глаза, я лишь презрительно покривился. И потому, что знал, что подразумевается под словом «бычок», и, как говорится, на будущее: если мне действительно придется здесь остаться, необходимо сразу все расставить на свои места. Правда, он моим взглядом нисколько не озаботился. Он вообще на него никакого внимания не обратил.

— У кого-нибудь к Игорю вопросы есть?

Ответом ему было молчание, и тогда Грек закончил:

— Тогда мне только и остается сказать: ты принят!

Это было самое короткое собеседование в моей жизни.

— Хочешь что-то сказать?

— Хочу, — кивнул я.

У меня самого кто-нибудь спросил, желаю ли я быть куда-то принятым? Какой смысл отказаться от предложений Титова для того, чтобы сунуть голову в другое ярмо? Я их не знаю, не представляю толком, чем они занимаются, и мне даже непонятно, можно ли будет уйти от них, если что-то перестанет меня устраивать. А если нет?

— Да, об оплате. — Грек почему-то решил, что речь пойдет о деньгах. Или о пикселях, как их тут называют. — Система оплаты у нас, так сказать, паевая. Тебе понятна ее суть?

— В общих чертах.

Насколько мне помнится, основой паевой системы является «шкала справедливости», которая предусматривает для каждой должности соответствующие коэффициенты увеличения заработной платы по отношению к минимальной ставке. Мало того, на общем собрании этот самый коэффициент могут как повысить, так и понизить, в зависимости от твоего личного вклада в общее дело. Странный принцип применительно к наемникам, но демократичный.

— Так вот, тебе, как новичку, ничем себя еще не проявившему, поначалу много не обещаю. Но вскоре нам предстоит кое-какое дело, и, когда вернемся, все можно пересмотреть.

То есть рви жилы, Игорь, стараясь себя проявить наилучшим образом, а в конце посмотрим. И, глядишь, накинem. Сколько пожелаем. С другой стороны, чего бы я хотел? Они что, ведущего специалиста одной организации в другую переманивают?

— Судя по его лицу, он совсем не горит желанием быть к нам принятым, — справедливо заметил лысый.

— Он прав? — Грек пристально посмотрел мне в глаза.

Я собирался утвердительно кивнуть, когда вдруг подумал: а почему бы и нет? Каким бы ни был этот мир, мне предстоит в нем жить сколько получится, и для этого

необходимо в нем освоиться. Что же касается самих денег... Если быть справедливым — это я им должен заплатить. За тот опыт, которым они будут щедро со мной делиться, поскольку обуза не нужна никому и в их же интересах, чтобы я как можно раньше стал полноценным членом далеко не самой худшей, по уверениям Лехи Воробья, команды. И уж по крайней мере точно не окажусь в шахтах, когда, изрядно помыкавшись, сам обращусь от безысходности к Титову с просьбой меня туда послать. И потому сказал:

— Желаю. Кроме того, считаю, мне крупно повезло, что вы меня берете. Вот только отплясывать на радостях нет желания. Может быть, позже, но не сейчас. Дайте хоть немного на этой проклятой планете освоиться.

— Единственное уязвимое место у него вот здесь. — Грек стукнул полусогнутым указательным пальцем себе в лоб, над переносицей, туда, где сходятся брови. Не в рисунок, на котором был изображен зверь в чешуйчатой броне, напоминавший гибрид рептилии и ягуара. Сходство с грозой амазонской сельвы ему придавали общие пропорции тела. Но не морда, которая выглядела так, как будто крокодилу значительно укоротили пасть, оставив то же самое количество зубов.

— А почему не глаза?

Понятно, что все тело гвайзела, а именно так называется это существо, покрыто роговыми пластинами, пробить которые, как утверждает Грек, практически невозможно. Но не глаза. А они у него, судя по рисунку, имеются.

— Можно и в глаз, — пожал плечами Грек. — Вот только глаза у него для такого тела крохотные, а этот нарост на лбу величиной с кулак. Габариты у гвайзела примерно как у двухгодовалого теленка, но притом существо он чрезвычайно проворное, так что проще все-таки туда. Слава Проф утверждает, что в этой шишке у гвайзела со-

браны какие-то органы чувств. Но какие именно, объяснить не берется. Ко всему прочему этот хищник временами крайне агрессивен, когда у них гон. Наше счастье только в том, что попадаются они крайне редко. Но если все-таки попадется — шансов выстоять против него практически нет. Да, вот еще что... с виду зверюга такая, что при взгляде на нее оторопь пробирает, но голосок тоненький, как будто котенок мяукает. Так что, если услышишь мяуканье, беги со всех ног. Или, по крайней мере, «мама» успеет крикнуть.

И он аккуратно закрыл альбом, в котором были изображены существа, обитающие на этой планете и представляющие собой опасность для человека. Из тех, с кем человек успел уже познакомиться.

— Художник талантливый. Рисунки выглядят как фотографии в цвете.

— Мы все тут таланты, кто за периметры поселений выходит. — Грек усмехнулся. — По части выживания. Кто больше года протянул. А рисунки мои собственные.

Я взглянул на Грека уважительно — рисунки действительно того стоили.

— Ладно, будем считать, что краткий инструктаж закончен. Вопросы есть?

Вопросов было множество. Но вначале следовало переварить то, что успел уже услышать и увидеть. И потому я мотнул головой — нет.

— Тогда пойдем подберем тебе какую-нибудь волину на первое время. Со временем соберешь свой собственный арсенал, чтобы имелся выбор под каждую конкретную задачу. Универсального оружия нет, зато мы все здесь универсалы. Когда-нибудь и ты им станешь. Если, конечно, приживешься. И выживешь.

Шумного знакомства не получилось. Никаких тебе: «Привет, Игорь! Меня зовут так-то, и, если что, обра-

щайся, обязательно помогу!» Или: «Все будет пучком, парень! Мы тут все как одна семья!»

Мало того, самого Грека куда-то позвали, и потому в оружейку меня повел белобрысый, говоривший с легким прибалтийским акцентом верзила, которого Грек назвал Артемоном. Я было решил, что свою кличку тот получил как производное от Артема, когда он, хлопнув ладонью по моей руке, представился:

— Янис.

Оружейная комната представляла собой довольно обширное помещение со стеллажами, шкафчиками и верстаком. На верстаке, расположенном у забранного железной решеткой окна, были разбросаны части от автомата Калашникова. Или карабина «Сайга», с беглого взгляда зачастую и не определишь. Слева от входа находился ящик, практически полностью заполненный МП-40 — германскими пистолетами-пулеметами времен Второй мировой войны. Они были не в самом лучшем состоянии и местами тронуты ржавчиной, но, судя по высоте ящика, поместилось их там полсотни штук, не меньше.

— Обнаружили с месяц назад неподалеку отсюда едва ли не вагон, — заметив мой взгляд, пояснил Янис. — Таскали все, в том числе и мы. А шо, нехай буде. — Суржик вкупе с прибалтийским акцентом звучал довольно забавно, и я невольно улыбнулся. — Глядишь, и пригодится когда-нибудь. Хотя толку-то здесь от этих пукалок! Разве что застрелиться в нужный момент, чтобы не мучиться.

На это я уже успел обратить внимание: сколько видел вооруженных людей, практически у каждого что-то серьезного калибра.

— Так, Игорь, предупреждаю сразу, чтобы губу понапрасну не раскатывал: брать можно далеко не все, что тебе приглянулось. Вон на те стеллажи, — указал он рукой, — точно можешь не смотреть, это наших парней

стволы, и у каждого свой хозяин. И, понятное дело, на шкафчики.

— А куда тогда можно?

Оставался только дальний угол, где и оружия-то практически не имелось. Так, десяток-другой экземпляров. И в основном охотничьего назначения, пусть и не двустволки. Но гладкоствольные. Помповый «мосберг», магазинные «Вепрь», «Сайга», что-то еще... По крайней мере, именно они лежали на самом верху.

— Сам бы я хотел знать, куда можно, — пробормотал Янис. — И где этот чертов Сноуден запропастился?

— Сноуден — это кто?

— Гриша Черпий. Он всем этим хозяйством заведует.

— А почему Сноуден?

Янис улыбнулся:

— Гриша, когда выпьет, болтать начинает как заведенный. Потому и прозвали. Но оружейник от Бога!

Странная логика, но прозвища иной раз так и даются, когда ее, логику, трудно проследить.

— Так, может, мне проще этого вашего Сноудена подождать?

— Нашего Сноудена! Ты, парень, коль уж решил с нами судьбу связать, то, будь добр, не разделяй себя и нас. Иначе ничего хорошего из этого не выйдет.

Я согласно кивнул: не буду. И вообще не разделял, так, оговорочка вышла. А Янис продолжил:

— Ждать времени нет. Гриша уже второй день где-то пропадает. А если он только к завтрашнему вечеру вернется? Через день выходим, а тебе к своему оружию еще привыкнуть нужно. Оно тебе ныне породней папы с мамой будет — именно от него теперь твоя жизнь и зависит. Ну и от нас, естественно. Вон «Сайгу» возьми. Или «Вепрь». Оба двенадцатого калибра. Вблизи — самое оно. Тебе, кстати, Грек свой альбом показывал?

— Показывал, — кивнул я.